

победу крестьянства и победу революции вообще. Верное и глубокое понимание личности дает больше, чем личность, дает — тип; так, в обрисовке глубоко понятой, центральной личности может заключаться законченная эпопея.

«Мятеж», — сравнительно, менее значительное произведение, нежели «Чапаев». Однако и эта книга несомненно интересна и заслуживает большого внимания.

«Мятеж» рисует далекий, почти забытый в нашей современной литературе край — Семиречье. В марте 1920 г., когда там еще бродили, во главе с Анненковым, Щербановым и др., последние остатки белой армии и весь край еще глухо волновался, — Фурманов был послан туда в качестве уполномоченного по области от Реввоенсовета фронта.

«Мятеж» отчетливо делится на две, не совсем связанные части. Первая кажется нам наиболее интересной. Она рисует путь через весь край, захватывая быт и обстановку того времени: нищенство киргизов, недовольство русского кулачества и казаков, боящихся передела, недовольство войска, состоящего из местных жителей и требующего демобилизации, разоренность края, наконец — историю революции в Семиречье. 2-я часть — более узка. Она представляет самый «мятеж» — восстание нескольких батальонов — всего наличия военных сил края. Благодаря редкой и стойкой мужественности «центровиков» — высшего состава Семиречья, — восстание удаётся почти бескровно ликвидировать.

В книгах Фурманова много публицистики. Автор подчас делается агитатором. Несомненно дело художника — убеждать образам. Однако у Фурманова публицистика все же — на месте. Во всяком случае, ее можно оправдать. Плеханов говорит, что существуют эпохи, когда «публицистика» неудержимо врывается в область художественного творчества и распоряжается там, как у себя дома. Очевидно, произведения Фурманова — законные детища именно такой эпохи.

И. Машбиц-Веров.

Леонид Леонов. 1. Рассказы. Изд. «Круг» 1925 г. Стр. 196. Тираж 7.000. Цена 1 р. 25 к.

2. Барсуки. Ленгиз. 1925 г. Стр. 306. Тираж 7.000. Цена 2 руб.

Путь развития Леонова — путь долгой и нестойчивой учебы. Начав с философски-фантастической полусказки «Бурьга», хранящей очевидные следы влияния Андреева, — Леонов в дальнейшем выпустил ряд рассказов: «Петушихинский пролом», «Туатамур», «Гибель Егорушки», «Записи некоторых эпизодов», «Конец мелкого человека»... Два последние рассказа и составляют рецензируемую книгу («Рассказы»). Все перечисленные рассказы отличаются неизменной талантливостью, но столь же неизменной — по общему признанию критика — подражательностью. Леонов все не находит своего собственного лица, хотя удивительно мастерски подражает всем: Ремизову («Петуш. пролом»), Достоевскому («Конец мелк. челов.»), Достоевскому + Гоголю («Записи некот. эпиз.»). В некоторых местах автор достигает апогея подражательности, приближаясь к подлиннику; но это все, конечно, никак еще не было — собственно «Леоновским».

«Барсуки» — переломный пункт. Правда, и здесь еще много страниц, особенно в 1-й части романа, — полнокровные описания старого торгового Зарядья, — напоминают столь же полнокровные и яркие описания нижегородского купечества молодым Горьким («Фома Гордеев»); можно также найти (и некоторые находят) влияние Толстого; однако, в общем и целом, Леонов уже начинает в этом романе выявлять свое собственное, — индивидуальное, — лицо, свой стиль. Стиль этот еще не совсем ясен, еще трудно уловим. Но он несомненно идет по верному и плодотворному пути крепкого и уравновешенного реализма, без смакования почти-самовитого слова (Ремизов), без эксцентрически-неуравновешенных, «изломных» моментов (Достоевский), вряд ли способных передать нашу суровую и трезвую современность.

Параллельно с формальным ростом видим также в Леонове и дру-

гое важное изменение: беспрерывное приближение к современности. Начав с фантастически-мечтательной полусказки «Бурьга», через стилизованную и историко-фантастическую повесть «Туа-тамур» и мистико-стилизованный сказ («Петушихинский пролом», «Гибель Егорушки»),—Леонов пришел, наконец, к реальной жизни и современности. В «Записках некоторых эпизодов»—уже берется реальная жизнь провинции; но события доводятся только до преддверия, до первых, начальных революционных сдвигов. «Конец мелкого человека»—берет уже специально революционный быт — голодающую Москву. Однако, в «Конец мелк. чел.» — революция получает какое-то странное, чужое и случайное освещение: она представлена сквозь кривое зеркало взвинченного сознания группы ученых, — древних профессоров, засыпанных обломками революционных разрушений. «Барсуки» и в этом отношении — поворотное и показательное произведение. Здесь Леонов подходит к революции вплотную, берет ее во весь рост.

«Барсуки» — роман, нашумевший в последнее время. Несомненно, это — явление интересное и значительное в нашей литературе. Роман рисует жизнь двух братьев, крестьянских сыновей, подростками попавших в Москву — на службу к Зарядьинскому купцу. Семен так и остался «приказчиком», пока не угодил на фронт в империалистическую войну. К городу он сохранил острую и темно-неосознанную обиду и ненависть... Пашка — другой брат — сделался рабочим и его жизнь потекла по-иному...

Во 2-й (и 3-й) части романа — братья встречаются. Семен с фронта вернулся в деревню. Он сохранил все ту же темную и острую ненависть к «городу вообще» и теперь восстает против него, делаясь главарем партизанской шайки «барсуков»... Пашка — коммунист, и волей событий и ЦЕКА послан на усмирение брата... Роман дает широкие, порой удивительные по глубине жизненной правдивости картины из

быта крестьян и повстанцев, а в 1-й части также из быта торгового Зарядья. Два брата — Пашка и Семен — представляют два основных крестьянских течения: за и против революции, руководимой пролетариатом. Вероятно, для увлекательности в общую канву романа вплетается также широкой струей романтическая завязка. Но она, собственно, для внимательного и серьезного читателя уходит на 2-й план, оттесненная широким социальным захватом произведения. Сюжетный, крепко связанный и четкий, написанный прозрачной, так сказать, честной прозой, не прячущейся за отдельными удачными образами и «приемами» — роман «Барсуки» в целом — значительное явление. Правда, здесь нет еще «революционных будней», нет восстанавливающейся, уже неромантически вздыбленной страны, т.е. нет того, что стоит, так сказать, в художественной повестке дня и что, например, дано в другом наиболее выдающемся романе наших дней — в «Цементе» Гладкова. Но ведь и наша революционная эпоха — время гражданской войны — далеко еще не исчерпана. Роман Леонова займет в литературе о ней одно из самых почетных мест.

И. Машибиц-Веров.

Александр Жаров. — «Ледоход». Стихи. Госиздат, 1925, стр. 131. Цена 1 р. Тираж — 5.000.

В предисловии к «Ледоходу» Жарова А. Луначарский правильно определил то основное общее, что роднит автора сборника с его «старшим другом» Безыменским. Безыменский и Жаров — пролетарские поэты второго призыва. Они встретили революцию не зрелыми, определившимися поэтами — они родились и росли вместе с ней, они ее дети. Поэтому, чуждые патетических и космических взлетов пролетарских поэтов Кузницы, они осязают, видят революцию в каждом куске жизни и быта, они чувствуют, как по-новому, революционно-остро «пахнет жизнь».

В поэзии Жарова сильны прежде всего крестьянские корни. В сборник «Ледоход», правда, сравнительно ма-